

Константин Михайлович Станюкович

Петербургские карьеры

OCR & SpellCheck: Zmiy

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159203

Станюкович К.М. Собр.соч. в 10 томах. Том 1.: Правда; М.; 1977

Содержание

I	4
I	4
II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Константин Михайлович Станюкович Петербургские карьеры

I АГАФЬЯ

I

В одной из изб небольшой деревеньки Тверской губернии собирали в столицу молодую бабенку Агафью. Старуха мать уже набила Агафью котомку разным скарбом и засовывала туда еще сырники и небольшие сероватые хлебцы... Делая это дело, старуха лила обильные потоки слез, взглядывая на дочь, молчаливо сидевшую на лавке. Отец молчал. На его хмуром лице не заметно было никакого волнения. Он словно без всякого смущения глядел на отъезд дочери. Только изредка он посматривал на Агафью и, замечая на лице ее некоторый страх, тихо говорил:

– А ты, Агафья, не бойсь... Перво, как в Питер прибудешь, обратись к Никону, в Ямской. Так и спроси, мол, Ни-

кона, извозчика тверского... Тут у тебя прописано на бумажке... Он тебя научит... Не бойсь!.. – ободрял старик.

Агафья не говорила ни слова. В ее воображении Питер представлялся каким-то крошечным адом, где люди чуть ли не поедают друг друга. Ее страху немало способствовали рассказы односельцев, особенно рассказы о ловких петербургских мазуриках. Она воображала, что только приедет в этот ужасный город, как немедленно мазурики возьмут у нее единственную ее “пятишницу”. Затем (подсказывало ей воображение) что-нибудь особенное да случится... Что такое именно, Агафья никак не могла вообразить, но в ее голове рисовался ряд неясных, страшных картин.

– Готово? – спросил старик.

– Сейчас!.. Эко ты поспешный какой! – воркнула старуха. – Детище ведь свое!

– Нечего возжаться-то... Вон и Микита идет.

В избу вошел пожилой мужик Никита и, перекрестившись, спросил:

– Собрали?

– Собрали, – промолвил отец.

Все присели на лавку. Посидев несколько минут, молча стали молиться на образа.

– Ну, с богом, Агафья... Прощай. Смотри... в Питере не балуй... Так и ступай к Никону... Помни, Ямская... Пиши, когда на место поступишь.

– Прощай, Агафьюшка... берегись Питера-ту... Страсть

он для бабы!.. Рубахи-то не потеряй... Сырники... Прощай, родненькая!..

Агафья простилась с отцом и матерью, села с Никитой в сани, и серая клячонка поплелась, увозя их от деревни. Несколько времени путники сидели молча. Наконец Агафья спросила:

– Дядя Микита... А, чай, таютка страсти?

– Не бойсь, баба! – утешал ее Никита, хотя и он, никогда не бывавший в столице, полагал, что там страсти.

– Главное дело, – продолжал он, – Никона сыщи... Он весь Питер знает. Первый извозчик!

– А мазурики?! Нешто ты не слыхал, как Левонтий про них рассказывал.

– Богу чаще молись! Опять же Никон... Он все знает.

– Страшно, дядя... город-то, сказывают, о-о-ох.

– Известно, Питер – столица.

К вечеру путешественники приплелись к Окуловской станции. Никита стал брать билет для Агафьи. В это время машина взвизгнула, Агафья вздрогнула.

– Не бойсь! – утешал Никита. – Главное, богу почаще молись... Прощай... да на чугунке-то осторожней...

Раздался звонок, и Агафью втолкнули в вагон. Там шел храп и визг. Вошедшие стали искать мест, но мест не оказывалось. Вошел кондуктор и кое-как распищал новоприбывших по скамейкам. Села и Агафья. Машина тронулась.

– Ох... господи! – крикнула Агафья и стала креститься.

Испуганная, она так всю ночь и не спала. Наутро немного попривыкла. Однако выходить на станциях боялась. “Кто его знает, – думала она, – а как он меня оставит!” Так до самого Петербурга не вставала с места.

– Вы какие будете? – спросил ее сосед-лакей.

Агафья испугалась и крепко к груди прижала пятишницу.

– Деревенски будем!

– Ха-ха-ха... Вы в столицу первый раз, значит?..

– В первой.

– Значит, вы не знаете, как у нас там жить?.. Теперича я служил по местам и могу сказать, нонче очень трудно, по тому на кого попадешь...

– Это так! – подхватил кто-то.

– И вот что я вам скажу, – продолжал лакей, по-видимому ни к кому не обращаясь, – все зависит от того, как ты себя поведешь... С ними нельзя честию... Служил я у одного чиновника и думал честию – это я только в Питер-то этот самый приехал, и что же, братцы мои, – он мне за честь-то пяти целковых и недодал... Это за честь-то!..

– Ишь ты! – раздалось в вагоне.

– А ежели ты теперича где по благородным домам с карт доходы получаешь да, примерно, с булочной, то жить можно. Только он тебе слово, а ты ему не спущай, чтобы он не полагал!.. Вы в кухарки? – обратился лакей к Агафье.

– Бозныть... Куда бог приведет.

– Бистексу умеете сжарить?

– Ничего, родимый, не умею. А ты скажи мне, дуре, как? – проговорила нерешительно Агафья, боязливо поглядывая на лакея, в котором ее напуганное воображение старалось отыскать мазурика.

– Рассказать толку нет... А это самое узнать можно... Наперед, следственно, вы в судомоечки... Опосля по старанию и в куфарки можно выйтить!

Однако Петербург уже был близко, и в вагоне шли сборы. Стали одевать котомки, собирать узлы. Изредка раздавались восклицания:

– Где тулуп-то... братцы, а тулуп?

– Узел мой!

– Корзинка... Не трожь ты ее... Бога не боишься!

Агафья сидела ни жива ни мертва... Но вот поезд въехал в дебаркадер¹. В вагоне стало темно. В это время Агафья почувствовала под своими мешками руку и взвизгнула.

– Что вы, – заметил лакей... – Аль испужались столицы? – засмеялся он.

В вагоне раздался хохот.

– Вы теперича куда?... Как вас звать-то?

– Агафьей.

– Вы, Агафья Ивановна, куда?

– К Никону, тверскому...

В вагоне опять захихикали. Поезд остановился; поднялась возня; всякий торопился выйти, и Агафью забыли.

¹ Дебаркадер – станционная платформа, у которой останавливается поезд.

Она не знала, куда идти, и все сидела на месте. Наконец последний выходявший мужик спросил:

– Что ж, баба, не идешь?

– Не знаю, дядя... покажи...

Мужик вывел ее на платформу, а затем и на улицу и, рассказав, как идти в Ямскую, оставил ее... Агафья окончательно испугалась столичного шума и стояла среди улицы, приговаривая:

– Господи!.. что же это!.. Господи!

Читателю, верно, случалось встречать на петербургских улицах баб, останавливающих прохожих с просьбой прочесть каракулями написанные адреса. Обыкновенно петербуржец на такую просьбу ответит: “Иди, матушка, прямо, а там свернешь налево и, как дойдешь до Троицкого переулка, сверни направо”, – и прочее, и затем продолжает свою дорогу. А баба, занесенная в столицу, долго еще ходит по петербургским улицам, долго еще спрашивает прохожих и, носясь, словно челнок по волнам, не скоро попадет куда нужно. Только исходив пол-Петербурга, доплетется наконец, измученная и усталая, по адресу.

Так было и с Агафьей. Пока она стояла среди улицы, над самым ее ухом раздалось: “Берегись!” – и парные сани пронесли дюйма на два от Агафьинова носа. Она ничего не сказала, только перекрестилась и пошла на тротуар. Началось обычное мытарство, и Агафья только поздно вечером пришла в Ямскую, побывав сперва и в Коломне и на Васи-

льевском острове и испытал всевозможные страхи. Усталая и голодная, спрашивала она:

– Здесь будут тверские?.. Никон Афанасьич?.. Извозчики?

– Здесь... Ступай в горницу, – сказал ей какой-то парень.

Агафья вошла. Скоро ее усадили ужинать. Пошли разговоры, расспросы про деревню. Никон обещал скоро поставить на место в судомойки.

– Потому у меня есть три куфарки знакомых... По богатым живут... Поставим. А теперь ложись с богом, Агафья... Чай, умаялась.

С такими надеждами Агафья легла спать и скоро заснула. Во сне она часто вскрикивала. Сперва снилась ей маленькая деревенька... Дальше похороны мужа, только всего год с ней жившего... Потом снился ей Вавилон столичный. Вот она на улице... Лошади прямо на нее летят... большие, сердитые лошади... Она хочет спрятаться в сторону, но лакей подходит к ней и спрашивает: “Агафья, а где пятишница?” Она прижимает руками сокровище, но лакей уже берет пятишницу... Лошади в это время налетают и топчут Агафью...

– Ой... Господи помилуй! – вскрикнула баба.

– Вставай, Агафья! Чего спужалась, аль со сна?!

Агафья посмотрела вокруг. На дворе было светло. Извозчики собирались на дневную работу.

II

Через две недели Агафья шла по Невскому со своим узлом. Дойдя до Большой Мещанской, она своротила в улицу и спросила у городского:

– Голубчик, скажи... где дом Лапатина будет?

– Третий дом налево... Эка чумичка! – проворчал городской вслед.

Агафья дошла до дому, вошла во двор и, после долгих переговоров с дворниками, поднялась по черной лестнице в третий этаж и вошла в кухню.

– Здравствуй... здравствуй, Агафья... – сказала кухарка. – Садись пока... Пойду скажу барыне...

Скоро вошла барыня и порядила Агафью за три рубля в месяц стирать белье, помогать кухарке и вообще делать что прикажут. Агафья только кланялась и благодарила.

В тот же день она получила себе крошечный уголок на кухне, куда поставила свой сундучишко, и в тот же вечер Агафья, лежа на тощем тюфячке, всплакнула на новоселье.

С следующего дня Петербург стал показывать, как он дает свои гроши деревенскому человеку: Агафью гоняли, не жалея ее ног. То в молочную слетай, то в булочную, то письмо отнести в ящик и прочее. Агафья все это исполняла старательно, и кухарка, сложившая благодаря такому рвению молодой бабы большую часть своих забот на свою помощницу,

взамен того покровительствовала ей: не раз рассказывала ей о той каторге, которая приходится на долю подневольного человека, и пила кофейными обварками. Бывало, во время этого занятия войдет в кухню лакей и, бросая письмо, скажет:

– Живо снеси... барыня приказала, чтобы мгновенно.

Когда Агафья, словно бы ужаленная, вскакивала, чтобы немедленно исполнить поручение, то кухарка замечала:

– Не загорелось... подождет!.. Что это, прости господи, и кофию-то не дадут напиться толком... Только и знают, что гонять... Пей, Агафья... пей... поспеют... Не лошадь же ты!..

И Агафья пила наскоро кофейные обварки, боясь, что вот-вот сама барыня войдет на кухню и спросит: “А почему ты, дура деревенская, лакаешь кофей?.. Пошла, мол, вон! Нету тебе у меня места!”

И действительно, случалось, что барыня входила в такую пору и спрашивала, отнесено ли письмо, и Агафья бледнела, но кухарка всегда умела находить приличные случаю отговорки, и барыня уходила, ворча под нос:

– Ах, господи! Что это за прислуга!

А кухарка, в свою очередь, начинала трещать:

– Вот они... Человеку вздохнуть не дадут... Все ведь письма да письма. Знаем мы, куда ты письма-то шлешь!.. Денег все... денег... У душеньки все деньги перебрала... У-у-у!.. Ступай, Агафья, да зайди по дороге в мелочную... Возьми

капусты к жаркому.

Агафья бежала с письмом иногда на другой конец Петербурга и ворочалась назад так скоро, как только позволяли ей ноги. А барыня уже ждала ее и нетерпеливо вырывала ответ. Но так как по большей части в ответах писалось, что “к крайнему сожалению, в настоящее время не могу, потому что у самого (или у самой) нет денег”, – то Агафья часто служила мишенью, в которую попадала брань, предназначавшаяся для авторов ответных писем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.